

П.И. Савельев

САМАРСКИЙ ГУБЕРНАТОР КОНСТАНТИН КАРЛОВИЧ ГРОТ

Среди переломных моментов в дореволюционной истории нашего края на первое место по значению и влиянию на ход вещей и событий следует поставить эпоху Великой реформы 1861 года. В фигурах её, главнейших деятелей запечатлена ценнейшая и уникальная информация, говорящая о времени значительно больше любого самого подробного статистического отчёта, ибо ничто не дает столь глубокого представления об эпохе, как её человеческое измерение.

Самарскому краю в этом отношении определённо повезло. Реформа 1861 года была всероссийским потрясением, но не так много было в империи губерний, где события отмены крепостного права принесли бы столь характерный для целой эпохи оборот, где действовали бы столь же яркие личности убежденных сторонников эмансипации крестьян, где разгорелась бы столь же яростная борьба их с крепостниками. Одной из таких фигур был самарский губернатор Константин Карлович Грот, который не только был признан одним из виднейших реформаторов-практиков среди равных ему по чину начальников губерний, но и с полным основанием может быть причислен к кругу лиц, определявших идею реформы и приближавших её исполнение.

Феномен Грота типичен со многих сторон. Он - чиновник до мозга костей, представитель той новой генерации российской бюрократии, которая переживала свое взросление в душной и тепличной атмосфере империи Николая I, а затем волею исторических судеб оказалась на самом переднем крае борьбы нового с отжившим. Он - непреклонный и жесткий сторонник порядка, но порядка нового, опирающегося не на деспотический каприз местного сатрапа, а на рациональную, не замутненную мздоимством службу. Потому-то полной мерой воздал ему молодой губернский центр Самара как уважением, почётом и восхищением, так и черной завистью, злобой и пасквилян-

ством. Пожалуй, справедливо будет сказать, что ни один самарский губернатор ни до, ни после Грота, не заслужил столь лестных отзывов местного общества, несмотря на относительно краткий срок пребывания его на посту начальника губернии.

Константин Карлович родился в Санкт-Петербурге 12 января 1815 года. Прадед его, Христиан Грот был адвокатом в голштинском городке Плён. Здесь родился дед Константина Карловича Иоаким Христиан. С него началась русская служба Гротов. Иоаким (Ефим) Грот сделал карьеру протестантского священника. Накануне воцарения Екатерины II он стал пастором голштинского полка, а затем - пастором и генерал-суперинтендантром лютеранской Екатерининской церкви на Васильевском острове. Он оставил ряд трудов на русском и немецком языках - проповеди об истории иноверческих церквей, о религиозной свободе иностранцев в России. Труды Е.Х. Грота были замечены академической наукой. Немецкий академик Август Шлецер считал его своим другом.

Отец Константина Карловича, Карл Ефимович, прожил недолгую жизнь, но в детстве ему улыбнулась фортуна: в числе разноязычных мальчиков он был взят в товарищи по воспитанию к будущему императору Александру I. Это обстоятельство открыло затем перед двумя рано осиротевшими его сыновьями Яковом и Константином блестящую будущность. По личному приказу императора они были определены в Царскосельский Лицей.

Семья Гротов стала одной из тех просвещённых семей России, которые много послужили во славу Российского государства. Старший из братьев, Яков Карлович, блестательно окончил курс Лицея первым учеником и стал известным учёным и академиком. Он положил начало учёной династии Гротов. Константин, по окончании в 1835 году обучения, с головой ушёл в государственную службу. Если старший брат его черпал вдохновение в учёных штудиях, то в деятельности Константина проявилась коренная фамильная черта Гротов - страсть к упорядочению и рациональному переустройству. Она наложила свой неизгладимый отпечаток и на внешность самого Константина Карловича: лищённая всякой вычурности причёска, строгое, холодное выражение лица без видимых признаков сентиментальности, спокойная и уверенная посадка головы довершаются простотой и строгостью костюма. Таков внешний облик его, запечатлён-

ный уже на одной из поздних фотографий. Многие иллюзии молодости позади, иные друзья и соратники по Великой реформе сошли в могилу, новое поколение нетерпеливых коллег-чиновников подталкивает с разных сторон к отставке, всё больше даёт о себе знать грудная жаба...

Но вернемся к началу. Оно было многообещающим. После Лицея К.К. Грот начинал службу в чине титулярного советника. Карьера его складывалась счастливо: в Курляндской палате государственных имуществ он стал асессором, затем перешел в центральное министерство внутренних дел, где уже в начале 40-х годов занимал перспективную должность чиновника особых поручений. Он получил ее благодаря своим дарованиям и ходатайствам В.И.Даля, который много значил при министерстве Перовского¹. Как истинный лицеист, Константин Карлович преклонялся перед Пушкиным. Он активно участвовал в деле возведения памятника великому русскому поэту, заведовал делопроизводством пушкинского комитета. Грот владел языками: немецким, французским, итальянским. Во время службы в Митаве быстро выучил латышский, до конца дней своих был он устроителем лицейских обедов воспитанников старейших курсов в знаменательный день 19 октября.

Как чиновник особых поручений, Грот объехал многие губернии России, в том числе поволжские. Он был жёстким ревизором. После проверки Тверской губернии, бывший её начальник, известный романист Лажечников вынужден был вернуть в казну около 70 тыс. рублей. Грот симпатизировал Лажечникову, жалел его чисто человечески, но был непреклонен. Плачевно кончились попытки его подкупить. Так, жестоко поплатились киевские чиновники, предложившие ему пакет депозитных билетов. С 1848 года Грот становится ближайшим сотрудником выдающегося реформатора Николая Алексеевича Милютина.

В 1850 году его приняли в действительные члены Императорского Русского географического общества - цитадели "идейного реформаторства". В том же году он получил чин статского советника. Судя по дневниковым записям, переписке, Грот был близко знаком со многими известными в России людьми. Среди них были: историк Погодин, публицисты Кавелин, Шевырев и др.

Грот был деятельным членом Русского географического общества, в котором безвозмездно занимал должность казначея. Здесь следует сделать небольшое отступление. В нашей окпоисторической публицистике последнего времени активно проводится мысль о том, что в России был реализован не крестьянский, не помещичий, а некий "бюрократический" вариант реформы. Это не соответствует реальной российской действительности середины XIX столетия. Бюрократического варианта не могло быть в принципе. Бюрократия не была способна вырабатывать проекты такого масштаба. Её механизм был устроен так, что чиновники разных ведомств не могли сойтись для решения какого-либо общего вопроса. Грандиозность задачи требовала от идеологов реформы независимой политической позиции, нужна была высокая идея, способная увлечь общество и заставить смириться противников преобразований. Необходимую искру общественного подъёма высекла в умах русских людей неудачная Крымская война. "Севастополь ударил по застоявшимся умам" (В.О.Ключевский). Практически во всех слоях общества возобладала патриотическая идея. Но чтобы переплавить патриотический энтузиазм молодых дворян и чиновников в конкретную программу, нужен был определённый круг общения. Никакие конспирации здесь не подходили. Русское географическое общество оказалось в этой ситуации наиболее подходящим местом для такого неформального общения. Здесь вскоре возобладала группа молодых патриотов во главе с Н.А.Милютиным.

Очерченный круг общения и этапы восхождения по служебной лестнице сформировали ясность понимания своих задач и будущности государственного управления, а вместе с тем решительность и властность поступков, столь изумивших самарскую публику, вынужденную склониться в почтительном поклоне перед новым хозяином губернии 12 мая 1853 года, когда К.К.Грот вступил в должность.

Ему досталось незавидное наследство. Самарская губерния, только что созданная из уездов разных смежных губерний, была одной из обширнейших в России (140 370 кв. верст), с резкими контрастами почвенно-климатических зон, чрезвычайной пестротой бытового уклада, национального и вероисповедального состава населения. Административная обстановка была почти неуправляемой. Огромные

уезды были равны по площади целым губерниям (Николаевский почти равен Калужской, а Новоузенский - Санкт-Петербургской). Штаты же администрации устанавливались не от площади или населения, а общим для всех губерний расписанием. Деятельность полиции и особенно земских судов была парализована большими расстояниями, плачевным состоянием путей сообщения. С образованием Самарской губернии в местную палату государственных имуществ поступило из Саратовской 7 тысяч, а из Оренбургской - 2 тысячи нерешищихся дел. Остро стоял вопрос об опытных чиновниках, которых явно не хватало. Многие должности советников, столоначальников годами не замещались из-за дороговизны квартир, несмотря на то, что было разрешено выдавать в качестве поощрения "не в зет" тратное жалование, средства на покупку мебели, аренду домов и прочие имущества"².

В мутной бумажной стихии, усложнившейся еще тем, что самарский губернатор был подчинен Оренбургскому генерал-губернатору и сносился с правительством через него (бумаги шли лишних 800 вёрст), процветали мздоимство, косность и полная неразбериха. Отчёты предшественника Грота (Степан Григорьевич Волховский) были заполнены жалобами на неудовлетворительность администрации. Деятельность Грота в этой неблагоприятной обстановке, принёсшая очевидные плоды, нуждается, конечно, в специальном изучении. Здесь следует привести слова П.В.Алабина: "Усилия Константина Карловича имели прямым последствием искоренение взяточничества в Самарской крае - особенность, которую этот край с того времени стал справедливо гордиться"³. Даже если сделать необходимую скидку на юбилейный пафос автора и желание потрафить современной ему администрации, нельзя не признать, что эти слова одного из самых замечательных и честнейших людей Самары стоят многого.

Новый губернатор с самого начала показал решительность своих намерений. По-видимому он прибыл к месту службы не один, а со своей командой, на которую опирался. "Немалою заслугою К.К.Грота Самарскому краю, - писал позднее П.В. Алабин, - было привлечение на службу в его пределы много отично образованных молодых людей. Затем, частью помошью этих вполне свежих сил, частью личным самобытным способом действия, К.К. Грот успел пол-

ожить твердые основы благоустройству вверенного его управлению края"¹⁴. Самобытность действий начальника губернии состояла в том, что он сочетал исключительную жесткость (Алабин пишет о "непреклонной воле", "личном решительном, часто диктаторском способе действий") с "неустанным самым добросовестным трудом"¹⁵. И в этих своих устремлениях Грот нашел полную поддержку со стороны видного государственного деятеля России, оренбургского генерал-губернатора В.А.Перовского, тем самым обратив указанное выше неудобство двойного подчинения в свою пользу.

Не могло не озадачить местных чиновников необычное в губернаторе отрицательное отношение ко многим "святыням" чиновной старины, стремление возбудить общественное мнение. Грот, конечно, хорошо знал обстановку при дворе, различные течения и подводные камни, но нельзя не признать, что он сильно рисковал. Он сразу сделал ставку на те идеи, которым симпатизировал со времени участия своего в Русском географическом обществе. Его решимость делает ему честь, ибо не только финиш Николая I, но и старт Александра II отнюдь не предвещали грядущих реформ. Либо нужно отказаться от устоявшихся в нашей науке оценок этого кратковременного периода конца старого и начала нового царствования и признать, что несмотря ни на что, уже в первой половине 50-х годов партия реформ определяла ход событий. Во всяком случае, деятельность Грота в Самаре наводит на такие соображения. По словам П.П.Семенова-Тян-Шанского, К.К.Грот "по готовым рецептам своего великого учителя Н.А.Милотина" не только "создал местное городское самоуправление в Самаре", но и "вдохнул в него живую душу"¹⁶.

Приведем еще одно свидетельство успешной деятельности Грота - администратора, принадлежащее Н.В. Шелгунову: "Самарский край в 50-х годах отличался особенно счастливым составом администрации, какого, конечно, не было ни в одной из губерний России. Тон управлению давала самарская удельная контора, в которой с управляющего до последнего чиновника все отличались какой-то легендарно, идеальной добросовестностью. Добросовестность эта... была новым общественным чувством, первым выражением тех стремлений, которые в 60-х годах превратились в общественный энтузиазм.

А источником этих новых стремлений были тогдашние университеты: Московский с Грановским во главе, и Казанский, где кумиром студентов был профессор Мейер. В Самаре служила казанская молодежь, были и из Харьковского университета, были и из Петербургского, но казанцы преобладали. Все это были "новые люди", в которых Самаре посчастливилось. Удельной конторой управлял Манжос, из студентов Казанского университета; казенными землями - Е.Е.Лашкарёв, студент петербургский; губернатором был К.К.Грот, тоже новый человек и, кажется, тогда единственный губернатор в чине статского советника.

Товарищ прокурора, губернский стряпчий, даже управляющий откупами были новыми людьми и не только новыми, но и совсем молодыми. Новая молодежь проникала во всё управление и давала всему тон. Для Самары это был медовый месяц гражданственности¹⁷.

В главном деле своего поколения - Крестьянской реформе 1861 года - К.К.Грот участвовал как ревностный ее сторонник. По своему обычаю, он основательно изучал суть вопроса. Судьба свела его с опальным Ю.Ф.Самарином, который после цепи приключений на ниве государственной службы вышел в отставку и поселился в своем самарском имении. Блестящий патриотически настоенный публицист не снискал лавров на службе, ибо не только смел иметь свое мнение, но и высказывал его публично ("Письма из Риги"), за что угодил в крепость. Семенов-Тян-Шанский прямо указывал, что Самарин был сослан в свои деревни под надзор губернатора по козням врагов освобождения. Грот в полной мере использовал это обстоятельство ко благу крестьянского дела в Самарской губернии. Мятежный Самарин не только сделался его ближайшим собеседником, но и был вскоре назначен представителем правительства в губернском "Комитете по улучшению быта помещичьих крестьян".

Обсуждение проекта реформы в местном "Комитете" проходило в отчаянной борьбе. По всей стране гуляли озлобленные заклинания крепостников "целой шайке врагов России", о том, что "теперь в России жить нельзя - партия красных господствует в России" и т.п.¹⁸. Самарин не расставался с револьвером. Грот пытался опереться на гласность и "допустил" утечку информации о заседаниях "Комите-

та" через газету "Самарские губернские ведомости". Однако, то, что удалось его друзьям в столице, не прошло здесь, в губернии. Губернатор получил от начальства строгое внушение. Дворянство бурлило. И всё же самарские помещики вынуждены были в своей работе придерживаться правительственного проекта. В этом заслуга более прогрессивно настроенной части членов "Комитета" и конечно же губернатора.

В апреле 1860 г. К.К.Грот покидал свой пост. Плоды его трудов были видны повсюду: открыты губернская мужская гимназия и духовная семинария, женское училище I разряда и два женских городских приходских училища, театр на 550 мест, образовано филармоническое общество, учреждена первая сберегательная касса при приказе общественного призрения, военный госпиталь и кумысолечебное заведение Н.В.Постникова, магазин бакалейных и колониальных товаров Санина, впервые установлено уличное освещение (100 фонарей) на спирто-скипидарной жидкости, в Самаре стали регулярно останавливаться проходящие по Волге пароходы, появилась "телефрафическая контора".

В 1854 году Грот открыл в Самаре губернский статистический комитет, положивший начало местной официальной статистике. В разное время его членами или секретарями состояли весьма известные впоследствии люди - П.А.Рихтер (статс-секретарь и управляющий департаментом уделов) А.Л.Соловьев (управляющий земским отделом МВД), Н.А.Тройницкий (управляющий Центральным статистическим комитетом МВД), а также писатели и публицисты И.С.Аксаков, П.С.Ефименко, К.Д.Кавелин, Ю.Ф.Самарин.

Незадолго до отъезда Грота открылась Самарская публичная библиотека. Губернатор много сделал для приближения этого события: ему принадлежит распоряжение о том, чтобы при редакции "Самарских губернских ведомостей" был открыт "Кабинет для чтения" на основе фонда, составившегося из пожертвованной штаб-ротмистром Нефедьевым личной библиотеки (около 200 томов) и книг из собрания писателя И.И.Дмитриева.

В бытность свою губернатором в Самаре К.К.Грот получил генеральный чин действительного статского советника, был награждён орденами св. Станислава I степени, св. Анны I степени, "именными

благоволениями" императора и другими наградами. Однако, по всей видимости, он оставил пост губернатора не по своей воле. В судьбе крестьянского дела предстоял знаменательный поворот, внешне связанный с болезнью и смертью очень влиятельного и радикально настроенного руководителя Редакционных комиссий Я.И.Ростовцева. Дело реализации уже готовой реформы оказалось в руках людей, далеко ей не сочувствовавших. Перемена погоды сразу сказалась на наиболее рьяных реформаторах из числа губернаторов. К.К.Грот стал, по-видимому, первой жертвой. За ним последовали пензенский губернатор Куприянов, нижегородский Муравьев, владимирский Теличев, калужский Арцимович. На прощание самарское общество поднесло Гроту звание своего почетного гражданина, "исходатайствовав разрешение поставить портрет его в зале своих заседаний"⁹.

Дальнейшие вехи служебной карьеры К.К.Грота выдвинули его на видные роли. Под председательством Н.А.Милютина он трудился в комиссии о губернских и уездных учреждениях. Из неё вышли идеи мировых посредников, крестьянских присутствий, а также мысль о земских учреждениях. Однако, сам Грот не принадлежал к когорте теоретиков. Его влекла практическая деятельность. Наиболее крупным делом, которое он целиком осуществил, была ликвидация откупного хозяйства и введение акцизной системы. Откупная система взимания налога со спиртного растлевала всю местную администрацию, состоявшую на богатом содержании откупщиков. В Самаре Грот это хорошо понял. Запомнил и мощное "трезвенное движение" в Поволжье. Акциз означал введение косвенного налога. В 1872 году Грот был назначен директором департамента неокладных сборов, только что созданного. Семенов-Тян-Шанский отмечал: "В сравнительно непродолжительное время ему удалось совершить необычайный в России подвиг, подобрать несколько сот акцизных чиновников (председателей губернских акцизных управлений, ревизоров и окружных надзирателей) безукоризненной честности и по своему образовательному цензу способных ознакомиться с неизведанным еще специальным делом... При семилетнем управлении К.К.Грота департаментом неокладных сборов организованное им акцизное ведомство проявило безукоризненную честность, а хорошо обдуманная акцизная система и отсутствие всяких хищений немедленно дало

государству столь значительный доход, что быстро вывело русские финансы из их постоянных 30-летних дефицитов"¹⁰.

В 1879 г. К.К.Грот был назначен членом Государственного Совета и в течении 10 лет заседал в департаменте законов, был председателем комиссии о тюремных заведениях. После гибели императора Александра II положение героев реформы сильно переменилось. Постоянные нападки, и прежде бывшие не в редкость, теперь усилились и свели с политической сцены всех видных деятелей эпохи 60-х годов. Служебное рвение и личная честность не раз сталкивали Грота с его сослуживцами. Так, в ходе акцизной реформы у него вышел острый конфликт с министром финансов А.М.Княжевичем, который пытался принудить Грота назначить на службу своих protеже, старых взяточников и казнокрадов. Грот даже подал в отставку, но смешён был Княжевич. На его место пришел М.Х.Рейтерн, сочувствовавший взглядам и жизненному кредо Грота.

В начале 80-х годов Грот руководил IV отделением собственной Его Величества канцелярии (благотворительные учреждения императрицы Марии), но здесь положение его стало непрочным. Это видно из переписки его друзей. Так, А.Головнин (бывший министр народного просвещения) сообщал военному министру Д.А.Милютину в мае 1884 года: "Положение К.К. Грота очень шатко. Он возбудил против себя много недовольных и поссорился с баронессой Раден. На него жалуется императрица..."¹¹. В августе Грот подал в отставку. На его прошении об этом Александр III начертал: "Со-ъ. Искренне благодарю Вас за полезные труды во время Вашего управления". Грот был рад этой отставке, ибо ему уже не по силам было управлять трудным ведомством при множестве противодействий, интриг, сплетен. От мелкого чина титулярного советника он вышел в полные генералы: тайный советник, статс-секретарь.

Тем временем в далекой Самаре К.К.Грота хорошо помнили, да и сам он принимал живейшее участие в местных делах. Он постоянно делал некоторые пожертвования на нужды Самарской публичной библиотеки, в Самарской учительской семинарии, открытой в 1871 году, учились три стипендиата имени статс-секретаря Грота. В реальном училище имени Александра I Благословенного также была установлена именная стипендия К.К.Грота, на которую он внес 5 тыс. рублей.

Насколько хорошо бывший губернатор знал самарские дела, видно из его обширной неопубликованной записки о неурожае 1872 года и самарском голоде¹². В ней опытный администратор осуждает действия своих преемников, особенно губернатора Климова и его чиновников. Как блестяще подготовленный государственный деятель, Грот хорошо видел экономические причины, приведшие к столь бедственным последствиям неурожая - лихорадочную спекуляцию на земле купцов и иных искателей легкой наживы, субаренду, хищничество, усугубившие тяжёлое положение крестьянского населения.

В последние годы жизни К.К.Грот не оставлял общественного служения на посту попечителя Человеколюбивого общества, Общества слепых, Комитета попечения о бедных. 30 октября 1897 г. Константина Карловича не стало.

Таков путь одного из видных деятелей Российского государства времен Александра II, жизнь и деятельность которого оказалась тесно связанной с нашим краем в эпоху крупного исторического излома. Он много потрудился ко благу самарцев и сам обрёл здесь ценный опыт, сложился как реформатор прогрессивного направления. Он сумел глубоко постичь заботы и интересы молодой губернии, правильно понял характер её людей, верил в её будущность. За это мы поминаем имя Константина Карловича Грота с уважением и признательностью.

Примечания

1. Грот Н.Я. К.К. Грот в юности и в первую эпоху службы. СПб., 1904. С.19,23.
2. ГАСО, Ф. 1, Оп. 11, Д. 98, Л. 7
3. Алабин П.В. Трехвековая годовщина г. Самары. Самара, 1887. С.127.
4. Там же.
5. Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары... С. 542-543.
6. Семенов-Тян-Шанский П.П. Эпоха освобождения крестьян в России. Т.2.-СПб., С.137.
7. Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л. Воспоминания. В 2-х тт. Т.1. Воспоминания Н.В.Шелгунова. М., 1967. С.69-70.

8. Главные деятели освобождения крестьян. СПбБ 1903. С.25.
9. Алабин П.В. Трехвековая годовщина... С.127.
10. Семенов-Тян-Шанский П.П. Эпоха освобождения... Т.2.С.139.
11. РГБ.-ОР.-Ф.169.-К.61.-Д.42.-Л.17.
12. ГПБ.-ОР.-Ф.226.-Оп.1.-Д.26.